

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. Война много ниже ноля	5
ГЛАВА 2. Новгородский язык и забытые войны	18
ГЛАВА 3. ЧВК Минина и Пожарского.....	22
ГЛАВА 4. Иностраннный легион русских царей	25
ГЛАВА 5. Военкомы царя Петра I.....	46
ГЛАВА 6. «Для инфлюенции в политических делах...»	57
ГЛАВА 7. Взятие русскими «Шведской крепости»	65
ГЛАВА 8. Пехота наступает через море	69
ГЛАВА 9. Рекруты против Наполеона	81
ГЛАВА 10. «Император говорил мне об еростате...».....	92
ГЛАВА 11. Бородино: пейзаж после битвы.....	105
ГЛАВА 12. Березина как зеркало Бородина	117
ГЛАВА 13. Несостоявшиеся партизаны Бонапарта ...	125
ГЛАВА 14. «Разудалый сиротина вздумал в горы убежать...»	135
ГЛАВА 15. Позор и слава 13-го батальона.....	155
ГЛАВА 16. «Полицейские войны» Запада против Петербурга и Пекина	172
ГЛАВА 17. «Наука, которую надобно создать...»	190
ГЛАВА 18. Воздушный змей для броненосца	203
ГЛАВА 19. Мировая война и её пророк.....	215
ГЛАВА 20. Война без сапог	235
ГЛАВА 21. «Прапорщики жили в среднем не больше 12 дней...»	255
ГЛАВА 22. Японская винтовка русского солдата.....	273
ГЛАВА 23. Русский солдат и греческий салат	292
ГЛАВА 24. «Пили баварское...»	311
ГЛАВА 25. Трудармии Троцкого.....	327

<i>ГЛАВА 26. Дальневосточная республика в «гитлеровской» Москве.....</i>	<i>344</i>
<i>ГЛАВА 27. Военная белка и боевой афродизиак</i>	<i>361</i>
<i>ГЛАВА 28. Самая выгодная война</i>	<i>375</i>
<i>ГЛАВА 29. Атомная бомба для Чукотки</i>	<i>394</i>
<i>ГЛАВА 30. Полевая почта 07959, или Кабульский трибунал</i>	<i>407</i>
<i>ГЛАВА 31. Китайский фронт «холодной войны»</i>	<i>423</i>

ГЛАВА 1. ВОЙНА МНОГО НИЖЕ НОЛЯ

Забывшие традиции русских побед в экстремальных условиях

В наши дни немалое внимание России, и далеко не только России, приковано к Арктике. «Крыша мира» привлекает не одним лишь спортивным престижем или экономическими соблазнами — возможностями Северного Морского пути, а также внушительными запасами природных ресурсов, от газа до урана, — но и как потенциальный театр военных действий.

В силу неумолимой географии Арктика — это главное поле боя для двух из трёх ядерных сверхдержав нашей планеты — для США и России. Эти особенности земель за Северным Полярным кругом стали очевидны давно, ещё в первые годы «холодной» войны.

Но что такое арктическое противоборство или, не дай бог, арктический вооружённый конфликт? Прежде всего, это боевые действия в самых экстремальных условиях — война много ниже ноля. И Россия является единственным государством на Земле, чьи традиции сражений и масштабных операций во льдах и морозах при запредельном холоде насчитывают минимум полтысячелетия.

«ПОСЛАЛ РАТЬ ЛЫЖНУЮ...»

Россия сама по себе страна северная с экстремальным климатом по меркам большинства соседей по планете. Но в отечественной истории есть немало примеров, способных поразить и нас, вполне привычных к холодам и затяжным снежным зимам. Поразить не только примерами успешных боёв в самых трудных условиях, но и тем, что эти славные

и не имеющие аналогов победы нами совершенно забыты.

Например, все помнят Ермака и его поход в Сибирь, но и столетием ранее наши войска не раз с успехом ходили за Урал, притом много севернее, пересекая ту линию, которую мы ныне именуем Полярным кругом. Летописи времён Ивана III, первого правителя объединённой Московской Руси, за 1499 год сообщают: «Князь великий послал во Югграть лыжную... Они же, ходившие на лыжах пеши зиму всю, да Югорскую землю всю вывоевали...»

Югграт — приполярное и полярное Зауралье между современной Тюменью и Обской губой, где великая сибирская река сливается с водами Северного Ледовитого океана. Благодаря ряду сохранившихся документов нам известны детали того беспрецедентного похода — пять веков назад порядка 4000 лыжников прошли от Северной Двины до района современного Салехарда, единственного в мире города, стоящего прямо на условной линии Полярного круга. По пути «рать лыжная» чуть южнее современного Нарьян-Мара основала Пустозерский острог, который считается первым заполярным городом в истории Руси.

Из Пустозерска за Урал лыжники Ивана III прошли так называемой «Зырянской дорогой» — горной тропой, почти посредине меж современными Воркутой и Интой. Для характеристики той местности достаточно одного факта: в языке аборигенов «зырян»-коми имеется более дюжины слов для обозначения разных видов и состояний снега. К примеру, местный термин «пакта» переводится на русский только как «мелкий сухой снег, выпадающий при сильно разреженном воздухе», но есть даже отдельное слово для обозначения снега, налипшего на полозья санок и лыж...

За столь многоснежным Уралом, в разгар полярной зимы 1499/1500 годов, русские бойцы взяли

штурмом 42 укрепленных «городка» ханты-мансийских «князьков». В общей сложности многотысячная «лыжная рать» с осени до весны прошла не менее 5 тысяч километров — расстояние, вполне сопоставимое с путём каравелл Колумба. Только великий первооткрыватель Америки плыл под парусами в не самых холодных водах, а его русские современники с боями шли на своих двоих, не раз пересекая Полярный круг на пике северных морозов.

Попробуйте представить себе эту картину — тысячи ратников идут сквозь полярную ночь. Идут месяцами на лыжах при обычном в тех краях морозе под сорок. Сегодня американский кинематограф снимает о подобном сказки, типа популярнейшего свежего сериала «Игра престолов», где в ледяном мире бесконечно сражаются огнём и мечом. Но их фантастика — это наша история, разве что без сказочных драконов...

Факт заполярного похода «лыжной рати» 1499/1500 годов беспрецедентен в мировой истории. При этом он стал возможен не на пустом месте, а вырос из древнерусских традиций северной войны.

Князя полярных войн

К полярному Уралу ходили ещё новгородцы до эпохи монгольских завоеваний, а «рать лыжную» 1499 года составляли воины из самых северных городов Руси — Вятки, Устюга, Вологды. Возглавляли «рать лыжную» полководцы с выдающимся опытом войн в экстремальных условиях — князя Семён Курбский и Пётр Ушатый. Оба Рюриковичи и типичные «служилые князья» той эпохи, профессиональные бойцы, вся жизнь в походах и войнах. Впрочем, оба были по-своему уникальны даже на фоне самых выдающихся современников.

Семён Курбский был сыном князя Фёдора Курбского, который одним из первых московских воевод ходил за Урал ещё в 1483 году. Тот поход Курбского-отца проходил летом и заметно южнее, но сын в своём заполярном рейде явно учитывал родительский опыт. Любопытно, что командир столь экстремального лыжного похода всю жизнь был вегетарианцем, лишь изредка ел рыбу. Об этом нам сообщает автор знаменитых «Записок о Московии» Сигизмунд Герберштейн. Посланник германского императора был явно впечатлён личным знакомством с Семёном Курбским, «человеком самой строгой жизни», и его рассказами о пешем походе «через Пермью в Югру для покорения отдалённых племён».

Соратник Курбского, князь Пётр Ушатый к началу лыжной эпопеи имел опыт даже более уникальный. Этот человек ныне прочно забыт нашим коллективным сознанием (помнят его лишь немногие академические историки), а ведь он был первым, кто вывел флот русского государства в мировой океан!

Случилось это до заполярного похода «лыжной рати», во время первой войны единой России со шведами. В 1495 году князь Иван III, недавно присоединивший Новгород, попытался двинуться дальше — утвердиться на Балтике. Закономерно разгорелась война со «свеями» у современных границ Финляндии и Эстонии. Тогда-то в Москве, атаковавшей шведов с востока, и возникла нетривиальная, даже дерзкая мысль — нанести удар противнику с самого неожиданного направления, с запада.

И весной следующего 1496 года русская «судовая рать» стартовала от устья реки Онеги под началом уже известного нам князя Петра Ушатого и его брата Ивана Бородатого («Ушатый» и «Бородатый» — это не фамилии, а характерные для той эпохи личные прозвища). Корабли прошли Белое море и двинулись вдоль всего Кольского полуострова. Словами летопи-

си — «ходили морем-акьяном да через Мурманский нос воевати каянских немцев...»

«Каянами» наши предки именовали финноязычные племена, живущие на севере Норвегии и Швеции, а «мурмане» на русском языке той эпохи — норвежцы. «Мурманский нос» — мыс Нордкап, самый север континентальной Европы. Именно там русский флот под началом Петра и Ивана, Ушатого и Бородатого, 524 года назад впервые вышел в мировой океан с боевой стратегической миссией. Ранее в истории России и Древней Руси наши корабли оперировали лишь во внутренних морях, на Чёрном море, Балтике, Каспии. Но в том 1496 году вышли именно в океан.

Есть лишь одно более раннее упоминание о новгородском корабле XIV века, пиратствовавшем у северных берегов Норвегии, но то был именно одиночный грабительский набег. В случае же «судовой рати» Ушатого и Бородатого имела место стратегическая операция государственного флота, вписанная в общий замысел большой войны.

На севере Норвегии (которая тогда, как и Финляндия, периодически бывала вассалом Стокгольма) русские не только захватили три шведских «буса», больших океанских корабля, но и приступили к выполнению главной, стратегической задачи. Дело в том, что знаменитые норвежские фиорды далеко вгрызаются в глубь континента — то есть верховья текущих в Балтику шведских рек отделяют от вод мирового океана считанные десятки вёрст. На этом и строился расчёт «судовой рати» Ушатого и Бородатого. Их наиболее вероятный путь прост — в глубь фиорда, где ныне располагается норвежский город Нарвик, знаменитый десантными операциями 1940 года, к шведскому озеру Турнетреск. Этот крупный водоём отделяет от волн Северного Ледовитого океана всего 30 км невысоких гор, а из озера вытекает

река Турнеэльвен, впадающая в Балтийское море на самом севере Ботнического залива, на современной шведско-финской границе. Протащив этим «волоком» свои лёгкие суда и далее двигаясь вниз по упомянутой реке, русский отряд в июле 1496 года разорил Норботтен, самую северную провинцию Швеции.

Противник совершенно не ожидал удара в этом регионе, русские беспрепятственно ушли с добычей, продемонстрировав шведам их уязвимость с тыла. Пройдя на вёслах вдоль всего балтийского побережья Финляндии, осенью 1496 года «судовая рать» князей Петра Ушатого и Ивана Бородатого с победой вернулась на Русь. Излишне говорить, что большая часть их пути, а он превысил более 4000 км — вокруг Кольского полуострова, мимо Нарвика и сквозь север Швеции с Финляндией — проходила за Полярным кругом.

«БЬЮТЦА НА ОЛЕНЯХ СИДЯ...»

После таких историй уже нет нужды пояснять, что Русь была готова к северным походам в Сибирь задолго до Ермака. Начало нашей экспансии на восток долго сдерживали иные, чисто политические факторы. Само же движение первопроходцев «встречь Солнцу» и покорение 5000 вёрст тайги и тундры от Урала до берегов Тихого океана заняли чуть более полувека. Фантастически короткий срок!

Одна из главных причин столь быстрого успеха — именно готовность и привычность русских к войне и походам в экстремальных условиях Крайнего Севера. Ведь даже там, где первопроходцы шли много южнее Полярного круга, резко континентальный климат Евразии постоянно рождал вполне экстремальные холода.

Сама же эпопея первопроходцев была экстремально удивительной и, не будем скромничать, по всем параметрам беспрецедентной. К примеру, каким ещё бойцам на нашей планете приходилось вполне серьёзно сражаться с оленьей кавалерией?

«А бой у них лучной, стрелы и копейца костяные, а бьютца на оленях сидя, что на конях гоняют...» — так в 1642 году рассказывал о «злых тунгусах» казачий десятник Андрей Горелый. Возглавляемые им 18 казаков и 20 якутов стали вторым в нашей истории русским отрядом, достигшим берегов Охотского моря. Притом ватага Горелого вышла на побережье чуть южнее современного Магадана, пробившись к морю через Оймякон, полюс холода — там, где метеонаблюдения уже нашего времени, в условиях несколько более тёплого климата, не раз фиксировали температуры до 67 градусов ниже нуля!

Добавьте к этой природной экстремальности ещё и атаки оленьей кавалерии, и картинка станет совсем как из натурального фэнтези от автора с самым буйным воображением. А ведь это не фантастика, а вполне реальные факты нашей истории... Имей Америка в своём прошлом нечто подобное — мы бы уже не раз наблюдали голливудские блокбастеры с лихими и массовыми (и кассовыми!) атаками всадников, верхом на рогатых парнокопытных.

Из всех многочисленных сражений и малых войн первопроходцев, пожалуй, самым экстремальным по географии и климату будет затянувшийся до середины XVIII века конфликт с «настоящими людьми» (именно так переводится термин «луораветлан» — самоназвание чукчей). Три столетия назад эти аборигены дальневосточного Заполярья были крайне воинственны, боеспособны и неутомимы в набегах на всех соседей по региону — от ительменов Камчатки до эскимосов Аляски.

Чтобы остановить эти лихие рейды на своих северных данников, Российское государство организовало несколько походов в глубь «Чюкоцкой земли» — туда, где, даже при современных технике и снаряжении, порою очень трудно не то что воевать, а просто выжить. В 1731 году крупнейший из таких походов возглавил капитан Тобольского драгунского полка Дмитрий Павлуцкий. Две сотни казаков и солдат при двухстах местных союзниках, коряках и юкагирах, три месяца искали противника в бесплодной тундре, пока в районе современного залива Креста, почти на Полярном круге, не попали в засаду тысячи воинов чукотского вождя Наихню, «тойона Восточного моря».

Русские неожиданно увидели противника 18 июня, форсируя одну из бесчисленных речушек. В тех краях реки к середине июня только вскрываются ото льда, и водное препятствие отряд капитана Павлуцкого форсировал северным образом — устье просто обошли большой дугой по ещё прочному морскому льду. Но, когда вернулись к берегу, там их уже ждали чукотские витязи в характерных для «настоящих людей» кожаных доспехах.

Ополчение «тойона Восточного моря» Наихню подловило отряд Павлуцкого на выгодной позиции. Чукчи стояли на высоком берегу, а русские, коряки и юкагиры на рыхлом льду, от берега их отделяла полоска подтаявшей воды. Чтобы выбраться на берег, надо было пройти «30 сажений», полсотни метров по горло в ледяном прибое под градом вражеских стрел.

И тут русский капитан и его бойцы сделали то, чего не ожидали даже чукчи, весьма дерзкие и во всех смыслах отморозенные воины Заполярья — едва завидев противника, большая часть казаков и солдат Павлуцкого бросилась в атаку через ледяную воду. Под прикрытием такого самоубийственного манёвра, оставшаяся на льду горстка русских

успела облачиться в кольчуги, преодолеть тот же студёный прибой и врубиться в строй чукотских воинов в костяной броне.

В итоге занимавший выгодную позицию и умело подкарауливший русских противник, теряя людей и оленей, бежал в тундру. Сегодня мы можем лишь представлять себе картину той фантастической битвы почти посредине Чукотки — там, где, выражаясь языком современной науки, «отсутствует климатическое лето» и среднегодовая температура всегда ниже нуля.

«НА ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ СНЕГ БЫЛ ГЛУБОК...»

Оленья кавалерия эпохи первопроходцев, конечно, весьма колоритна. Но и самая обычная конница в истории России знает факты битв при самой экстремальной погоде. В силу континентального климата такое случалось даже не на Крайнем Севере, а, по нашим меркам, вполне на юге. Секунд-майор российской службы Максимилиан фон Раан, вспоминая декабрь 1788 г., писал в мемуарах: «Думали, что в Молдавии не может быть сильная зима...»

Так думали даже русские ветераны, вполне привычные к местной погоде. Но зима 1788/1789 годов в Северном Причерноморье в разгар очередной русско-турецкой войны, выдалась необычайно морозной и снежной. «Выпавший весьма глубокий снег и крайний от того недостаток в корме... Стужа и вьюги несносные, что люди и скот от того много перемерзли...» — докладывал царице Екатерине II фельдмаршал Румянцев.

Русская армия пыталась встать на «зимние квартиры» в Молдавии, и всю осень её беспокоила налётами последняя крымско-татарская армия. Таврический полуостров к тому моменту уже стал частью России, но турецкий султан продолжал на-

значать крымских ханов. Южная же половина той страны, которую мы ныне именуем Молдавией, тогда именовалось Буджакской степью, или Буджакской ордой, там издавна обитали кочевники, а к исходу 1788 года базировалось 5-тысячное конное войско оставшегося без Крыма крымского хана Шахбаз Гирея.

Экстремальные снегопады и морозы блокировали как русских, так и татар. Ханская конница спаслась от морозов у большого села Ганкур в 30 верстах южнее Кишинёва. Будущую столицу Молдавии, точнее то, что от неё осталось после сожжения татарами, занимала дивизия генерала Михаила Каменского. Ныне его помнят только некоторые историки, а современники ценили наравне со знаменитым Суворовым — оба полководца почти одновременно прошли все ступени армейской карьеры, не раз вместе воевали, оба в итоге почти одновременно получили фельдмаршальские чины.

Но история редко справедлива — Суворова помнят, а Каменского забыли. Хотя в последний день 1788 года именно этот забытый полководец одержал победу, не менее впечатляющую, чем штурм Измаила или переход через Альпы.

Когда Молдавию сдавили жуткие морозы и засыпал небывалый снег, Каменский предложил Румянцеву и командирам соседних дивизий атаковать татар. При экстремальной погоде все сочли предложение безумием. Ни командование, ни соседи, страшась морозов, помощи прислать даже не попытались — тогда Каменский двинулся в атаку один со своими немногочисленными полками. Ему пришлось оставить всю артиллерию, её просто не могли протаскать по засыпанным дорогам. В итоге отстала и почти вся пехота, сквозь снега и метели к ханской ставке 30 декабря 1788 года пробилась немногие драгуны и казаки из дивизии Каменского.

Завязалась странная кавалерийская битва без аллюров и лихих атак — едва двигаясь по брюхо в снегу, кони быстро выбивались из сил. «На поле сражения снег был до того глубок, что кавалерия и казаки должны были спешиться и дрались стоя с татарами, тоже сошедшими с коней...» — вспоминал участник той битвы, упомянутый выше майор фон Раан. Мороз и снег почти исключили действие огнестрельным оружием, зато сражение стало последним, в котором документально зафиксированы потери наших бойцов от выпущенных татарскими лучниками стрел.

31 декабря 1788 года в безумной снежной схватке войско крымского хана потерпело поражение от уступавших числом спешенных кавалеристов Каменского. В плен попали высокопоставленные турецкие офицеры, прикомандированные к ханской ставке. В рукопашной погиб даже старший сын хана. И тут генерал — человек, по отзывам современников, весьма суровый — сделал жест, не характерный для той войны. Отослал тело ханского сына отцу со словами сочувствия.

В итоге Шахбаз Гирей потерял волю для дальнейшей борьбы с русскими, турецкое правительство поспешило отозвать его в тыл. Победа же, одержанная по горло в снегу ныне прочно забытым генералом Каменским, стала последним сражением русских с регулярным войском крымского ханства.

«БАТАЛЬОНЫ НЕ ФРЕГАТЫ...»

Младший сын вышеупомянутого генерала Каменского, Николай, тоже стал генералом, тоже победоносно воевал, по праву считаясь самым талантливым полководцем первых лет царствования Александра I. И тоже, как и отец, Каменский-младший ныне прочно забыт — его нет среди героев 1812 года,

он умер от неустановленной «лихорадки» как раз накануне вторжения Наполеона.

Между тем именно Каменскому-младшему принадлежит авторство наступательной операции, бесспорно, самой уникальной на нашей планете и, вероятно, самой дерзкой, самой фантастической в многовековой истории русской армии. Ведь никто и никогда не задумывал и не осуществлял наступление сухопутных войск на своих двоих через открытое морское пространство — ближайшим аналогом здесь будет лишь поход пророка Моисея из библейской легенды о форсировании Красного моря. Но то легенда, а русская армия осуществила такое на практике весной 1809 года в ходе одиннадцатой по счёту русско-шведской войны.

Немного предыстории. К исходу 1808 года русская армия с упорными боями заняла всю Финляндию, и война со Швецией зашла в стратегический тупик. Зимние шторма и лёд на Балтийском море не позволяли флоту вести боевые действия против Стокгольма. Было понятно, что к весне шведские войска, отдохнув и усилившись, вернутся на территорию Финляндии, где их поддержат местные партизаны. Изрезанное заливами финское побережье протянулось почти на 1000 вёрст, его было невозможно полностью прикрыть от шведских десантов.

Наши генералы осознавали — если дать шведам зимнюю передышку, то, несмотря на все успехи в завоевании Финляндии, весной война начнётся заново. В условиях сомнительного мира с наполеоновской Францией, контролировавшей почти всю Европу, такая затяжная война могла стать серьёзной угрозой для России. Борьбу со Швецией необходимо было заканчивать как можно быстрее, решительным ударом.

Тут-то Николай Каменский, не раз отличившийся при завоевании Финляндии, выдвинул уникальный

по дерзости, решительности и отважному безумию замысел — пользуясь тем, что северная Балтика, огромный Ботнический залив между Швецией и финским берегом, изредка ненадолго покрывается коркой льда, перейти пехотой и кавалерией по морскому льду непосредственно к шведам и там принудить врага признать поражение.

«Батальоны не фрегаты, чтобы ходить по заливам...» — воскликнул, узнав о подобном замысле, генерал Фридрих Вильгельм фон Буксгевден, тогда главком русской армии в Финляндии. И всё же в русской военной истории даже пехотные батальоны оказались фрегатами — об уникальном походе русских воинов по заледеневшим волнам Балтики прямоком в Швецию читатель подробнее узнает в главе восьмой этой книги.

«Понесенные в сем переходе труды единственно русскому преодолеть только можно...» — писал тогда в донесении царю Барклай-де-Толли, будущий герой 1812 года. Сегодня читатель без труда может открыть карту и оценить безумную отвагу ледяного маршрута через Ботнический залив. Не случайно тот конфликт стал последней войной Швеции против России. Повторим, примеров подобному в военной истории человечества более не было.

Собственно, все упомянутые в данной статье эпизоды — от зауральских лыжных походов князя Петра Ушатого до ледяного похода генерала Барклая через Балтику — не имеют аналогов у наших соседей по планете. Пожалуй, в иных странах о каждом таком подвиге сочиняли бы многочисленные эпосы и легенды, снимали бы фильмы — у нас же эти высоты доблести и воинского мастерства не только не нашли художественного отражения, а в сущности забыты обществом, похоронены в обширном архиве русских побед.

Утешает одно — в грядущих битвах за Арктику нам есть чей пример вспоминать.